

СТАСЯ ДЫМКА

Ты мне еще скажешь
«Спасибо»

МИСТИЧЕСКАЯ ДРАМА

Елена Чумакова

Ты мне еще скажешь спасибо

<https://litres.ru/74305023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психолог Варя боится темноты и воды. Но когда бабушка из далекой деревни пишет: «На пруду утонула девушка, я слышу её голос по ночам», — Варя едет. В старом доме она находит картину, где ее семья — та, что погибла семнадцать лет назад. Бабушка шепчет: «Для кого холст, а для кого — дверь». И Варя делает шаг внутрь. Ей предстоит прожить три разные жизни. В каждой из них родители живы. Попытки переписать прошлое требуют страшной платы — в каждой из них Варя глубоко несчастна и одинока. На пруду голос утонувшей девушки просит о справедливости, она не покончила с собой, ее убили...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Чумакова

Ты мне еще скажешь спасибо

Глава

Название: Ты мне еще скажешь спасибо

Жанр: Мистическая драма

Пролог. Та, что боится темноты

Варя проснулась ровно в 3:15. Как всегда.

Она лежала неподвижно, глядя в потолок, где танцевали тени от проезжавшей за окном фуры. Сердце билось ровно, она не паниковала — просто лежала и смотрела в темноту. Смотрела, не отводя глаз, и ждала, пока страх свернётся клубком и затихнет где-то в груди. Она знала: если сейчас встать и включить свет — она проиграет. А Варя не любила проигрывать.

Рядом, уткнувшись мокрым носом ей в плечо, спал её пёс

Граф — огромный чёрный лабрадор, который считал себя котёнком. Он никогда не просыпался в 3:15, но всегда чувствовал её пробуждение и начинал тихонько вздыхать во сне, будто говорил: «Я рядом, маленькая. Спи». Она провела рукой по его тёплой шерсти и улыбнулась.

Но в эту ночь страх пришёл не один. Вместе с ним пришёл сон. Старый, детский, тот самый, который она не помнила лицом, но помнила телом.

Ей снова семь лет. Она в своей старой комнате, где на стене висят бумажные бабочки, а за окном шумит дождь. Она лежит в кровати, накрывшись одеялом с головой, потому что знает: если она высунет нос — оно придёт. Из-под стола. Там, где пыльный ковёр и забытые игрушки. Сначала шорох. Потом тихое, влажное сопение. А потом — оно появляется. Небольшое, мохнатое, белое. Оно не похоже на зверя, не похоже на человека. Оно просто есть — с двумя светящимися точками вместо глаз и с лёгким, почти ласковым шелестом. Варя хочет закричать — но из горла не выходит ни звука. Она срывается с кровати и бежит по коридору. Там, в конце, — светлая комната родителей, дверь приоткрыта, и оттуда льётся тёплый жёлтый свет. Она бежит изо всех сил, но пол вдруг становится липким, ноги заплетаются, и она падает. И тогда она делает то, что делала всегда во сне. Она притворяется мёртвой. Замирает, не дышит, закрывает глаза и

ждёт. Ждёт, когда оно пройдёт мимо. Но оно не проходит. Оно подходит к ней, садится рядом, и его холодное, влажное дыхание касается её шеи. Оно шепчет ей на ухо что-то тихое, почти нежное. Варя не помнит, что оно говорит. Но она просыпается в холодном поту, с колотящимся сердцем и с чувством, что она всё ещё там.

Она открыла глаза. 3:17. Граф по-прежнему спал рядом. В комнате было тихо. «Просто сон, — сказала она себе. — Ты взрослая. Тебе тридцать шесть. Ты психолог. Ты не веришь в мохнатых тварей из-под стола». Но внутри, где-то в животе, жило это чувство. Будто детский страх никогда не уходит. Он только ждёт. В темноте. У кровати. У стола. И он дышит.

Днём Варя была другой. Днём она была психологом. В её кабинете пахло сухими травами и бумагой. На стене висела карта звёздного неба — не для красоты, а потому что она верила, что движение планет влияет на судьбу, даже если не умела читать их до конца. Она принимала людей. Тех, кто уставал от себя, кто боялся жизни, кто не мог простить своих матерей, отцов, бывших мужей, своё тело. Она слушала их, кивала, задавала вопросы, иногда молчала — и это молчание часто оказывалось важнее слов. Она помогала им находить опоры внутри, где их не было. Но сама она находилась внутри себя с трудом. Потому что у неё была своя тьма. Она не признавалась в этом клиентам. Никогда.

Утро началось с зелёного смузи (банан, шпинат, яблоко и имбирь — она пила его уже три года и почти привыкла к вкусу) и прогулки с Графом.

Она шла по улице, и прохожие иногда оглядывались на неё. Не потому что она была яркой или вызывающей — наоборот. В ней была та самая тихая, спокойная красота, которую не замечаешь сразу, но которую хочется разглядывать.

Варя была невысокого роста, хрупкого телосложения, с тонкими запястьями и лёгкой, почти девичьей походкой. Её русые волосы вились крупными, живыми кудрями, которые она обычно собирала в небрежный пучок, но сегодня они выбивались из-под шапки и падали на плечи мягкими волнами. На лице — маленький курносый нос, усыпанный светлыми веснушками, которые летом становились ярче, а к зиме бледнели, но не исчезали совсем. Её губы были пухлыми, чувственными, а улыбка — ровной, белоснежной, такой, что даже хмурые прохожие невольно улыбались в ответ. Но главное, что притягивало взгляд, — её глаза. Большие, зелёные, с тёплым, чуть золотистым оттенком. В них было что-то детское, доверчивое — и в то же время глубокая, почти старушечья мудрость, которую она сама в себе не замечала.

По пути она зашла в маленькую пекарню, где продавали ещё тёплый хлеб с семечками. Продавщица Катя, весёлая

женщина с вечно испачканными мукой руками, всегда улыбалась ей:

— Варя, ты опять одна? Замуж когда выйдешь?

Варя улыбалась в ответ и говорила, что муж — это её пёс, и с ним она вполне счастлива. Она умела отшучиваться. Это тоже был навык.

Она получила письмо в тот же день, ближе к вечеру. Не электронное — настоящее, бумажное, с жёлтым конвертом, пылью и запахом старого дома. Она нашла его в почтовом ящике, когда возвращалась с Графом. Конверт был не подписан, но она узнала почерк — старый, с нажимом, с вытянутыми буквами. Почерк любимой бабушки Ани. Она вскрыла его уже в квартире, на кухне. Граф, учуяв что-то необычное, сел рядом и настороженно смотрел на неё. Внутри лежал листок в клетку, мелко исписанный с обеих сторон:

«Варюша, здравствуй, моя хорошая. Прости, что пишу редко. Руки уже не те, и глаза не те — сижу с лупой, как в старые времена. Но дело не в этом. У нас тут в Серебрянке опять беда. На пруду утопилась девчонка — Лиза, внучка тёти Гали. Восемнадцать лет. Говорят, влюбилась без памяти в парня, а он её бросил. Она пошла к воде ночью, а нашли её только утром. Я не хочу, чтобы ты пугалась, но я

слышала её голос, Варя. Ночью, когда все спят. Она зовёт кого-то по имени. И я знаю, что она не просто так ушла — она что-то хотела сказать. А может, кто-то толкнул её. Я не знаю. Твоя прабабушка в молодости умела разговаривать с теми, кто ушёл. И ты умеешь, Варюша. Я знаю. Ты лечишь не только живых — ты лечишь память. Приезжай. Посмотри на эту воду, на эту тишину, на этот дом. Я чувствую, что без тебя мне не справиться. Жду. Твоя бабушка Аня».

Варя прочитала письмо дважды. Трижды. Отложила в сторону. Взяла чашку с чаем, который уже остыл. Поставила обратно. Граф положил голову ей на колени и посмотрел с этим своим человеческим выражением: «Ну что? Мы едем?»

— Я не знаю, Граф, — сказала она вслух. — Я не ведунья. Я психолог. Я не вижу мёртвых. Я просто... я просто иногда чувствую. Это не магия.

Но она знала. Знала, что бабушка права. Что в ней есть что-то, что она сама до конца не понимает. Что-то, что заставляло её клиентов плакать на сессиях, а потом выходить с лёгкостью, будто они сбросили тяжёлый рюкзак. Что-то, что заставляло её просыпаться в 3:15, чувствуя чужую боль, даже когда никто не звал её на помощь.

Она подошла к окну. За ним шумел город — обычный ве-

чер четверга. Люди шли домой, зажигался свет в окнах, где-то играла музыка. Её жизнь была здесь — в этой квартире, в этом кабинете, в этой привычной рутине. Но письмо говорило иначе. Оно говорило о Серебрянке, о пруде, о Лизе, о бабушке и о голосе, который она слышала.

«Всему своё время», — вспомнила она слова бабушки. И впервые за долгие годы у неё не было ответа на вопрос, который она задала себе тихо, почти без звука:

— А что, если я боюсь не темноты, а того, что я в ней увижу?

Ночью она не спала до часу. Собрала рюкзак, заказала билеты на утренний автобус, покормила Графа, несколько раз перечитала письмо. Уже лёжа в кровати, она смотрела на свет от уличного фонаря, который пробивался сквозь шторы, и думала о маме. О том, как она спросила бы у неё:

— Мама, как ты думаешь, я смогу? Смогу туда поехать, посмотреть ей в глаза и понять, кто она — просто девчонка, которая устала жить, или... или кто-то другой?

И ей показалось, что мама улыбнулась и ответила, как всегда, просто и ясно: «Ты уже едешь, Варя. Ты всегда едешь туда, где кто-то нуждается в тебе. Потому что ты не можешь по-

другому. Она закрыла глаза и провалилась в сон. А проснулась в 3:15. Как всегда.

Теперь письмо лежало на тумбочке. Она знала, что встанет, выпьет воду, поцелует Графа и поедет на вокзал. Не потому что она верит в голоса с того света. А потому что она верит бабушке. И потому что внутри неё живёт тихая, твёрдая уверенность: если она не поедет — она никогда не узнает, что там, за этим страхом. И останется той, кто боится темноты и воды, не сделав шаг в неё.

— Вставай, Граф, — прошептала она. — Мы едем в Серебрянку.

Глава 1. Серебрянка

Автобус трясся по разбитой дороге уже третий час. За окном проплывали поля, перелески, редкие деревни с покосившимися заборами и старыми церквями. Варя сидела у окна, положив голову на стекло, и смотрела, как небо постепенно наливалось серым. Граф лежал у её ног, положив морду на лапы, иногда вздыхал и закрывал глаза — он не любил общественный транспорт, но ради хозяйки был готов терпеть.

Варя думала о бабушке. Она не видела её уже почти пять лет. Последний раз приезжала на поминки тётки, но тогда

было так много людей, так много суеты, что они почти не поговорили. А до этого — летние каникулы, когда она была ещё маленькой. Когда деревня казалась ей целым миром, а бабушка — самой сильной женщиной на земле. Она вспоминала, как бабушка лечила её от страхов. Когда Варя в шесть лет боялась засыпать одна, бабушка ставила у кровати стакан с водой и говорила: «Это вода от страхов. Если он придёт — выпей глоток, и он уйдёт». Варя пила. И страхи действительно уходили. Она не знала, в чём секрет — в воде или в том, что бабушка садилась рядом и читала старые сказки. Но это работало. Теперь бабушка сама напугана. И это пугало Варю больше всего.

Автобус остановился на полупустой деревянной остановке с облупившейся скамейкой. Варя взяла рюкзак, кликнула Графа и вышла в прохладный вечерний воздух.

Серебрянка встретила её тишиной. Где-то вдалеке лаяла собака, но звук угасал в сыром воздухе. Дорога, по которой она шла, была знакома до боли: старые деревянные дома с резными наличниками, заборы, увитые диким виноградом, огромные старые тополя, которые помнили ещё её маму. Дом бабушки стоял в самом конце улицы, у самого спуска к пруду. Варя подошла к калитке, и сердце её забилось быстрее. Она не знала, почему. Может, от предчувствия. Может, от того, что дом казался ей живым — его окна смотре-

ли на неё в упор, а шторы колыхались, будто кто-то дышал внутри.

Она толкнула калитку. Та скрипнула, как живая, и Варя на миг замерла.

Серебрянка встретила её запахом мокрой травы и старых яблок. За высоким забором, увитым диким виноградом, стоял дом — тот самый, с резными наличниками, который она помнила по детским фотографиям. Он казался меньше, чем в воспоминаниях, и будто присел от времени, но стены его всё ещё держали тепло. Граф, выскочив из машины, тут же уткнулся носом в землю, зарычал на какую-то ящерицу и с видом победителя, виляя хвостом, побежал изучать территорию. А Варя стояла и смотрела на дом. На его зашторенные окна. На старый плющ, который полз по стенам, как зелёные вены. Ей казалось, что дом смотрит на неё в ответ. И у него есть глаза.

Из сеней вышла бабушка Аня. Маленькая, сухонькая, в цветастом платке. Варя помнила её другой — высокой, сильной, с густым голосом, который мог и приласкать, и приструнить. Но бабушка словно сжалась за эти годы, стала прозрачной, как воздух. Только глаза остались теми же — светло-голубыми, острыми, пронзительными, которые видели сквозь людей.

— Варюша, — сказала она, и голос её, вопреки возрасту, прозвучал чисто и звонко. — Ты приехала. А я чайник поставила... Ну что стоишь, проходи.

Они обнялись. От бабушки пахло мятой, пирогами и старым деревом. Варя вдруг почувствовала, как в груди что-то отпустило, будто она вернулась в ту клетку, где была в безопасности. Детство с бабушкой — это было единственное время, когда она не боялась темноты.

— Я по письму, бабушка, — сказала она, отстранившись. — Вы написали... про пруд.

Бабушка вздохнула, прикрыла глаза и коротко кивнула:

— Не сейчас. Всему своё время. Сначала чай, потом пруд. А после пруда... — она странно улыбнулась, будто знала что-то, чего не знала Варя. — После пруда я покажу тебе кое-что.

Они сидели на кухне — старой, но чистой, с белыми занавесками, которые колыхались от сквозняка. Запах печёного хлеба, пирогов с вишней и капустой, чабреца и сушёных трав смешивался с ароматом старого дерева. Варя смотрела на руки бабушки — сухие, с выступающими венами, но всё ещё уверенные. Они наливали чай, резали хлеб, намазывали

масло — делали всё так же, как много лет назад.

— Ты похудела, — сказала бабушка, глядя на неё с укором. — Ешь хорошо. И эта твоя диета... Я знаю, ты там в городе помешалась на своей зелёной траве. А человеку нужна еда. Простая. Живая.

— Бабушка, это называется нутрициология, — улыбнулась Варя.

— А я называю это глупостью, — отрезала бабушка, но без злости. — Ты красивая, Варя. Всегда была. И вес тут ни при чём. Ты себя любить не умеешь — вот в чём беда.

Варя хотела возразить, но не стала. Она знала: бабушка права.

За ужином бабушка рассказала про Лизу. Девушка была внучкой её старой подруги Гали — той, что жила через два дома. Лиза была тихой, красивой, с длинными тёмными волосами и печальными глазами. Она никому не жаловалась, но все знали, что она тяжело переживает расставание с парнем, который уехал учиться в город и перестал ей звонить.

— Она сидела у пруда почти каждый вечер, — сказала бабушка. — Люди видели. Думали — просто гуляет, думает.

А она, видно, готовилась. В тот вечер никто не заметил, как она ушла. А утром её нашли в воде. Она лежала на дне, как кукла. Руки сложены на груди, глаза открыты.

Варя поставила кружку на стол.

— Вы сказали в письме... вы слышали её голос.

Бабушка помолчала. Подвинула к себе солонку, покрутила в руках.

— Я вышла ночью в сад, — сказала она. — Поздно уже, часов одиннадцать. И услышала. Тихо, но отчётливо: «Верни меня». Я обернулась к пруду — никого. Я стояла и слушала. И голос повторился: «Верни меня, тётя Аня». А потом смолк. И тишина стала тяжёлой, как вода.

Варя молчала, сжимая кружку. Она хотела сказать, что это, наверное, ветер, или какое-то акустическое явление. Но она знала, что бабушка не верит в «явления». Она верит в то, что чувствует.

— Я не знаю, зачем она ко мне пришла, — продолжала бабушка. — Может, потому что я старая и уже почти на той стороне. А может, потому что она не просит меня. Она просит тебя. Ты — единственная, кто ещё может видеть то, что

скрыто.

— Бабушка, я психолог, — мягко сказала Варя. — Я не вижу мёртвых.

— Ты видишь то, что они оставляют, — ответила бабушка, глядя на неё в упор. — Ты видишь боль. Ты видишь то, что они не сказали. И они это чувствуют. И они приходят к тебе, Варя. Ты просто не хочешь этого замечать.

После ужина бабушка позвала её в зал. Там, на стене, за старой шторой, висела та самая картина. Варя не спрашивала, она просто ждала.

— Закрой глаза, — сказала бабушка, когда они вошли в зал. — И не открывай, пока я не скажу.

Варя послушалась. Она слышала, как скрипнула дверь, как бабушка прошла вглубь комнаты и сдёрнула тяжёлую ткань. И вдруг в лицо ей ударил свет — тёплый, жёлтый, золотой.

— Открывай.

Картина висела на стене. В массивной деревянной раме, которая выглядела старше самой деревни.

На ней был стол — летний, накрытый белой скатертью. Самовар, крынка с молоком, тарелка с яблоками. А за столом сидела семья. Варя узнала свою маму — смеющуюся, с длинными русыми волосами, как у неё самой. Папу — молодого, с чуть взъерошенными тёмными волосами и лёгкой улыбкой. Рядом с мамой сидела маленькая девочка лет семи с двумя хвостиками и в красных резиновых сапогах. Это была она. Варя. А в центре, во главе стола, сидела бабушка — молодая, статная, с тем самым пронзительным взглядом. Солнце заливало картину так ярко, что казалось — на ней даже слышен смех и звон посуды.

— Это последний день, — тихо сказала бабушка, и голос её дрогнул. — На следующий день они уехали. И не вернулись.

Варя стояла перед картиной, не в силах оторвать взгляда. Ей казалось, что краски на ней двигаются. Что мама чуть наклонила голову. Что папа поднёс кружку к губам. Что она сама — маленькая, семилетняя — вот-вот засмеётся и побежит в сад.

— Я часто смотрю на неё, — сказала бабушка. — Мне кажется, если смотреть долго, можно попасть внутрь.

— Бабушка, это же просто холст, — ответила Варя, но голос её дрогнул.

— Для кого холст, Варюша. А для кого — дверь.

Глава 2. Ночь у пруда

После ужина Варя не могла сидеть в доме. Что-то тянуло её к выходу. Граф, как будто чувствуя её состояние, подошёл к двери и сел — ждал. Она накинула старую бабушкину кофту, сунула ноги в резиновые сапоги и вышла в сумерки.

Пруд был в ста метрах от дома — за оврагом, за старым мостком, где раньше стирали бельё. Вода стояла тёмная, почти чёрная, не отражала ни неба, ни света из домов. Только тишина. И тяжёлый запах тины.

Варя подошла к берегу и остановилась. Граф сел рядом, прижался к её ноге, но не гавкал, не рычал. Просто молчал — так, как собаки умеют молчать, когда чувствуют что-то тонкое, невидимое.

И тогда она услышала голос. Он не был громким. Он был тихим, как ветер, который застревает в ветках старой ивы.

— Варя...

Она вздрогнула. Обернулась. Никого.

— Варя, ты слышишь меня?

Голос был девичьим, молодым, но каким-то прозрачным — будто он звучал не через воздух, а через воду.

— Да, — прошептала Варя. — Я слышу. Ты Лиза?

— Да, — ответил голос, и в нём послышалась дрожь. — Я Лиза. Я не знала, что ты придёшь. Я звала тётю Аню, но она только плакала. А ты другая. Ты слушаешь, как будто ждёшь чего-то.

— Я не жду, — сказала Варя, и голос её дрогнул. — Я просто... Я не знаю, что делать.

— Ты можешь передать им, — сказал голос. — Моим родителям. Скажи им, что я не хотела их обидеть. Скажи им, что я их люблю. И что я прошу прощения.

Варя хотела сказать, что она не медиум, не проводник, что она вообще не знает, как это работает. Но голос продолжил, и теперь в нём слышалась не просьба, а боль:

— И скажи им... скажи им, правду, что это была не я. Я не совершала самоубийство. Меня убили...

Варя замерла. Сердце пропустило удар.

— Что? — прошептала она. — Кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.